

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Воскресенье, 17-го Февраля 1908 года.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ КЪ № 9313.

„Больные души“.

(Henri Lavedan).

(Съ французского).

Онъ, сорока двухъ лѣтъ.

Она, тридцати одного года.

(Вечеръ). Оба приходятъ домой. Тихо въшли они по лѣстницѣ красиваго, спокойнаго дома—avenue de Trocadero—не обмѣнявшись даже словомъ. Вотъ они входятъ въ маленькую уютную гостинную. Лампы бросаются какою-то магическій свѣтъ на полъ и стѣны, а въ каминѣ пылаетъ яркій огонь.

Она (Остановившися передъ нимъ и смотря ему въ глаза). Ну, мой другъ, теперь ты доволенъ?

Онъ (Снявши уже пальто и шляпу и бросивши ихъ на стулъ). Да, благодарю! (Онъ приближается къ ней, заключаетъ ее въ свои объятія и цѣлуетъ ее долгимъ поцѣлуемъ въ голову). Благодарю! И снова говорю тебѣ: тысячу разъ благодарю!

Она. Теперь ты уже не будешь больше говорить...

Онъ. Нѣтъ, конечно, нѣтъ!

Она. ... что я...

Онъ. Нѣтъ... О, не говори! Это нарушаетъ очарованіе... Я счастливъ, такъ счастливъ, что я не могу себѣ представить большаго счастья. (Бережно помогаетъ ей снять шляпу и накидку. Она, улыбаясь, глядитъ на него, а затѣмъ подводитъ его къ маленькому диванчику).

Она. Иди сюда. (Оба садятся, держась за руки).

Онъ. Да, я въ высшей степени счастливъ.. вполнѣ.. невыразимо счастливъ.

Она. Боже! какое обиліе опредѣлительныхъ словъ!

Онъ. Не насмѣхайся въ такую минуту. Очень можетъ быть, что я неудачно выражаясь. Впрочемъ, я вовсе и не ишу удачныхъ выражений для определенія того что такъ всецѣло наполняетъ меня. Да это было бы и невозможно. Вѣдь, въ настоящую минуту меня наполняетъ одно желаніе—это смотрѣть на тебя, смотрѣть неустанно; наслаждаться чарующей, ласкающей прелестью твоихъ глазъ, темный блескъ которыхъ я люблю такъ же безгранично, какъ и то загадочное—молчаливое и вмѣстѣ съ тѣмъ краснорѣчивое, что сіяетъ въ нихъ; въ нихъ неизмѣнное молчаніе—словно отдыхающая стихія. О! это сказочное, непроницаемое молчаніе женскихъ глазъ, прислушивающихся къ шепоту любви.

(Онъ цѣлуетъ ея руки). Берта, чувствуешь ли ты, какъ я люблю тебя? Уверена ли ты въ этомъ?

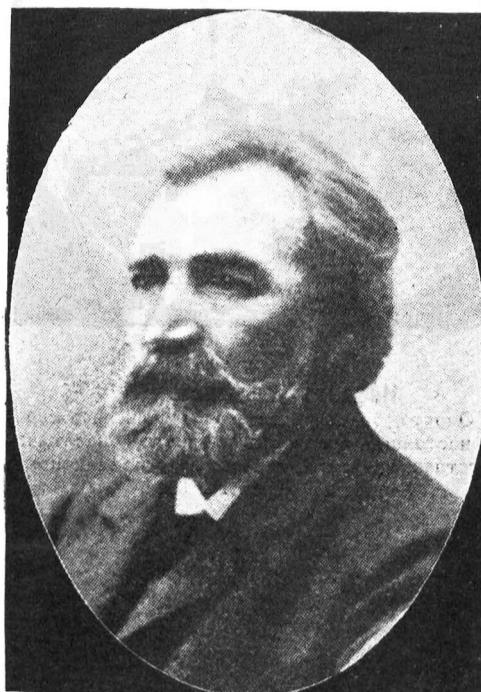
Она. Какой странный вопросъ! Хочу думать, что уверена.

Онъ. Нѣтъ! Скажи: я уверена—я вѣрю.

Она. Я уверена. Я вѣрю. Да, вѣдь, ты знаешь это. Развѣ я не доказала тебѣ, что вѣрю? Иначе... Только если бъ никогда не пришло мнѣ раскаиваться въ этомъ.

Онъ. Нѣтъ! Никогда!

Она. Да, такъ всегда вы говорите. А потомъ, нѣ одинъ прекрасный день—все забыто!

А. П. Грузинцевъ.

Профессоръ юхарьковскаго университета. По случаю 30-лѣтнаго юбилея его ученого-педагогической деятельности.

Са-Ингъ-Ту.

Новый китайский чрезвычайный посланникъ и полномочный министръ при Русскомъ Дворѣ.

Онъ. Неужели ты можешь... дорогая, единственно любимая подруга, вѣдь, ты знаешь, что я другой, чѣмъ всѣ „тѣ“, Развѣ я не люблю тебя уже два года?

Она. Нѣтъ. Не больше года. Предыдуши девять мѣсяцевъ ты даже не ухаживалъ за мной.

Онъ. Я собирался съ силами—ты, злая!

Она. Ты даже былъ весьма равнодушнымъ ко мнѣ.

Онъ. Этого никогда не было. Равнодушнѣмъ я не былъ никогда. Да и могъ ли я быть равнодушнымъ, узнавъ, какъ много пришлось тебѣ страдать изъ-за...

Она (быстро перебивая его и закрывая ему рѣтъ рукой). Тише! тише! Не говори о томъ, чего ужъ болѣе нѣтъ.

Онъ. Я причинилъ тебѣ боль?

Она. Нѣтъ, милый другъ, но я не хочу омрачать настоящее прошедшее. Мое сердце хочетъ знать только настоящее.

Онъ. Я былъ бы неутѣшенъ, если-бы причинилъ тебѣ хоть малѣйшее горчение—тебѣ, которой я такъ многимъ обязанъ.

Она. Не будемъ сводить никакихъ счетовъ.

Онъ. Все же, скажи: не обязанъ-ли я тебѣ всѣмъ? Моимъ воскрешеніемъ?

Она. Ты преувеличиваешь.

Онъ. Нѣтъ, я говорю одну правду. Ты сама знаешь, что я раньше...

Она. (Снова закрывая ему рѣтъ рукой): оставь это! къ чему вспоминать о томъ, что было раньше?! Одно „сегодня“—слышала?

Онъ. Ты права, дорогая подруга. Къ тому же это „сегодня“ такъ прекрасно! Но всетаки я долженъ тебѣ сказать, какое чудо произвела ты во мнѣ...

Она. Значитъ, сейчасъ произойдетъ осада по всѣмъ правиламъ искусства..?

Онъ. Ахъ, выслушай же меня! Ты сказала правду: я полюбилъ тебя далеко не сразу. Любовь подошла ко мнѣ медленно, шагъ за шагомъ, почти на цыпочкахъ. Позволь мнѣ, Берта, сдѣлать одно сравненіе, которое поможетъ мнѣ изложить тебѣ всѣ обстоятельства дѣла. Существуютъ ужасныя болѣзни—онъ неумолимы—и развиваются годами. Онъ подкрадывается—неслышно, осторожно—пускаетъ корни, расширяются, прогрессируютъ все больше и больше, а между тѣмъ, тотъ, кто попадается имъ въ сѣти, даже и не подозрѣваетъ объ этомъ; онъ живеть, онъ ходить, сопровождаемый всюду этимъ зломъ, которое принесетъ ему смерть; настаетъ, наконецъ, день, когда онъ видѣтъ свои цѣпи; но онъ констатируетъ этотъ фактъ совершенно равнодушно—онъ понимаетъ, что уже поздно, что все уже потеряно.—Остается одно: покориться и умереть.

Она. Ну, ты далеко не весель.

Онъ. Конечно... Но есть также на землѣ счастье, такое стыдливое счастье, которое, подобно тому злу, появляется не вдругъ, не съ быстротою молни: это—страстная любовь, выростающая изъ самого глубокаго уголка души,—выростающая медленно, тихо, и скрыто; сна ростетъ беззвучно, пускаетъ все больше и больше ростки, дѣлается мощной, всесильной... распускается прекраснымъ цветкомъ... полнымъ

сока, силь и благоухания... И все это безъ вѣдома человѣка. Онъ жилъ и ходилъ, какъ и раньше, нося съ собою всюду это святое растеніе... Носилъ, не подозрѣвая о немъ.. И только въ тотъ день, когда распустился первый цветокъ, понялъ онъ, какіе глубокіе корни пустило въ немъ это растеніе. Онъ, конечно, и не старается вырвать его изъ своего сердца — да если бъ онъ и хотѣлъ, было бы ужъ поздно, слишкомъ поздно; остается одно: жить съ нимъ или умереть.

Она. Мой другъ!

Онъ. Да, еще я долженъ сказать тебѣ одну вещь: я не узнаю себя съ тѣхъ поръ, какъ узналъ тебя, съ тѣхъ поръ, какъ ты стала мнѣ такъ дорога. До того времени я былъ пессимистомъ, моя душа была обращена къ свѣту. Но теперь она глядитъ на югъ—все ей представляется голубымъ, все сияющимъ и блестящимъ. Не правда ли, когда человѣкъ счастливъ, ему кажется, что онъ заключаетъ въ свою сердце все итальянское небо?.. Берта! Какъ очаровательны твои руки! ихъ можно было бы назвать одухотворенными.

И онъ будутъ моими, я держу ихъ, я цѣлую ихъ, я никогда, никогда не выпущу ихъ, я буду молиться на нихъ...

Она. Какой ты сегодня глупъ-кай! Но продолжай говорить мнѣ ихъ, эти сладкія глупости; вѣдь, ихъ недолго повторяютъ.

Онъ. Ты увидишь, моя единственная любовь, мое счастье.

Смѣгчилась-ли ты, наконецъ, ты, гордая, неумолимая?

Онъ. Да, такъ называли меня до сего времени. А теперь — теперь я хочу быть твоей, твоей, и безвозвратно; и это вполнѣ обдуманно. Чтобы принять участіе въ земномъ счастьѣ, надо также со своей стороны принести извѣстный даръ—въ видѣ небольшой доброты, любви къ ближнему и личного самоотверженія.

Мое первое замужество было такъ несчастно!

Онъ. На этотъ разъ ты сама вспоминаешь о прошломъ.

Она. Я говорю о прошедшемъ, но я не бужу его, оно давно умерло. Да у меня и нѣтъ времени, нечего терять его, если хочешь завоевать себѣ еще немного любви.

Онъ. О, молчи-же!

Она. Нѣтъ, я говорю, что думаю. Ты, вѣдь, знаешь, что я не кокетка. Если-бы я была ю, я заставила бы тебя еще страдать и бороться, чтобы завоевать то счастье, какимъ ты обладаешь теперь. Но я не могла; я считала-бы недостойнымъ себя мучить того, кто понравился мнѣ, и о комъ я рѣшила, что буду его. Съ того самого момента я...

Онъ. Какъ велика ты въ твоей прѣстѣ!

Она. Съ сегодняшняго дня я вѣрлюю тебѣ мое сердце. Береги его, будь съ нимъ остороженъ, судьба слишкомъ жестоко потрясла его; несчастье такъ грубо, такъ рѣзко касалось его, что теперь оно стало болѣйшимъ и хрупкимъ.

Онъ. Я знаю. Не бойся, я сумѣю беречь его.

Она. Тебѣ я могу сказать это, тебѣ, который сдѣлался моимъ другомъ, моимъ лучшимъ „я“, моимъ „всѣмъ на свѣтѣ“. Я много страдала и еще недавно

Инфантъ Альфонсъ,
герцогъ Оporto, братъ убитаго португальскаго короля. Въ настоящее время онъ является наследникомъ престола, занятаго теперь его племянникомъ.
Герцогъ родился въ 1865.

Донъ-Мигуэль, герцогъ Брагансскій,
претендентъ на португальскій тронъ,
какъ членъ царствовавшаго въ Португалии королевскаго дома. Послѣ кровавой трагедии въ Лиссабонѣ онъ выразилъ сочувствіе молодому королю и, повидимому, отказался отъ своихъ претензій на престолъ.

страдала. Ты, вѣдь, не сердишься на меня за эти воспоминанія?

Онъ. Какъ я могу сердиться, мой бѣдный другъ! Развѣ я не знаю, что значить страдать? Развѣ я самъ не страдаю?

Она. Не въ такомъ родѣ, какъ я.

Она. Это правда, но это еще вопросъ, какое страданіе хуже.

Она. Мое, дорогой другъ, мое.

Онъ. Почему?

Она. Потому, что у меня не оставалось ничего утѣшительнаго; ничего, кроме горечи и стыда. въ то время, какъ ты...

Онъ. Въ то время, когда я?

Она. Ты, въ твоемъ страданіи—не говори мнѣ, такія женщины, какой была твоя жена, это рѣдкость—да, въ твоемъ страданіи у тебя были все же цѣлые со-

кроища: благотворная слезы, чувство уваженія и внутреннее сожалѣніе.

Онъ. Да, все это было—все это я имѣлъ...

Она. А это именно и есть то, что поддерживало тебя, когдаты былъ вдовцомъ, все эти годы...

Онъ. Цѣлыхъ десять лѣтъ.

Она. Ну, а что осталось у меня, когда я развелась съ моимъ мужемъ? что оставилъ мнѣ этотъ несчастный? Ничего, кроме разочарованія, ненависти, непреодолимаго чувства отвращенія... мнѣ нечѣмъ было облегчить своего горя. При воспоминаніи о немъ, я становилась въ сто кратъ несчастнѣе, угнетеннѣе и безутѣшнѣе.. Повѣрь мнѣ, насы съ тобой нельзя сравнивать въ этомъ отношеніи. Развѣ не лучше оплакивать умершую, нежели проклинать живущаго?.. Прости меня, что я вспоминаю о прошломъ и такимъ образомъ отмачиваю твое настоящее—прости меня!.. Притомъ же, все это уже прошло. Не надо забывать, что во всякомъ несчастіи есть доля счастья... И знаешь, я только наполовину сердился на мое несчастье, на мое прошлое,—вѣдь, ему, этому несчастному прошлому, обязана я своимъ настоющимъ счастьемъ и тѣмъ, что могу слѣдить за счастливымъ человѣкомъ, который, быть можетъ, не будетъ неблагодарнымъ.

Онъ. Иди ко мнѣ!

Она. Вознагради меня ты за все мое несчастье! (кладетъ свою голову ему на плечо и задумывается).

Онъ. Что съ тобою?

Она. Ничего.

Онъ. Ты о чѣмъ-то думаешь.

Она. Нѣтъ.

Онъ. Скажи же.

Она. Нѣтъ, нѣтъ, ничего—я увѣрю тебя (Отодвигается отъ него, словно безсознательно, и снова погружается въ задумчивость).

Онъ. (Долго и пристально смотрѣтъ на нее). Все таки... всетаки... я вижу хорошо...

Она. (Съ принужденной улыбкой) оставь... сядь ко мнѣ ближе.

Онъ. (медленно садится напротивъ нея) Я никогда до-съѣта не насмотрѣсь на тебя. Обнимать взорами любимое существо—о, можетъ-ли быть на свѣтѣ друга болѣе ненасытной радости?

Она. (Улыбается счастливой улыбкой).

Онъ. (Прижимаетъ ее къ себѣ, страстно цѣлуя и вдругъ отворачивается).

Она. Но, милый другъ...

Онъ. (Не отвѣчаетъ и неподвижно стоитъ у окна).

Она. Что съ тобою? Ты слышишь?

Она. Нѣтъ.

Она. Андрей, да что же съ тобою случилось? (Бережно беретъ его обѣими руками за голову и пытливо смотрѣтъ ему въ глаза). Андрей!

Онъ. Ну, ничего!

Она. Но... я начинаю думать... Что? Ты плачешь?

Она. О, нѣтъ же! нѣтъ!

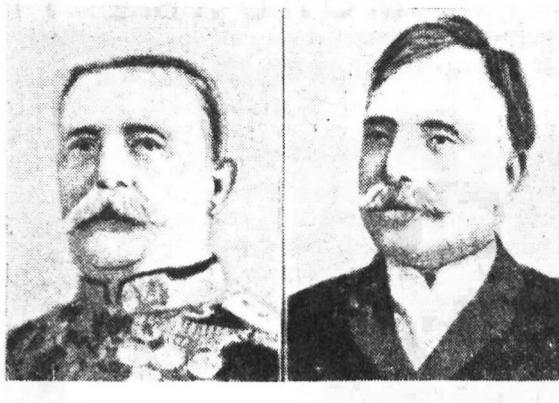
Она. Не лги. Ты не плачешь, но слезы льются изъ твоихъ глазъ. (Крупная слеза скатывается у него съ рѣсницами). Вотъ видишь. Но о чѣмъ же ты плачешь?

Она. Я самъ не знаю. Такъ, нервы.

Феррейра Д'Амораль.
Министръ-президентъ.

Зенесло-де-Лама.
Министръ иностранныхъ дѣлъ.

Августъ де-Кастильо.
Морской министръ.

Камильо Генринесъ.
Министръ юстиціи.

что я любилъ тебя, что я вторично овдовѣлъ,—овдовѣлъ во всѣхъ отношеніяхъ, что у меня осталась одна лишь надежда на смерть. Еще разъ, въ послѣдній разъ прости меня и прощай!

Она. Подожди же, мое взрослое дитя! Останься!

Она. Что ты говоришь?..

Она. Я говорю, что ты долженъ оставаться. Послушай, я не считаю себя очень умной, но я много страдала, а это замѣняетъ многое. Я понимаю состояніе твоего ума и твоего сердца, а потому прощаю тебѣ; но я люблю тебя и не хочу оставить тебя одного въ твоемъ безвыходномъ положеніи. Я попытаюсь утѣшить тебя въ твоемъ горѣ о „ней“, если, разумѣется, ты будешь нуждаться въ утѣшении и если тебя, вообще, возможно будетъ утѣшить. Не бойся! Я слишкомъ ревновала къ живымъ, чтобы быть въ состояніи ревновать къ мертвому! Вѣрь мнѣ, мой другъ, тебѣ не надо уходить. А если ты и уйдешь, то,—увѣрю тебя,—не пройдетъ и двухъ недѣль, какъ ты вернешься назадъ, или же напишешь мнѣ, что меня недостаетъ тебѣ и что ты страдаешь вдвойнѣ. Вѣдь, собственно говоря, ты любишь не меня, и не како-другого—а любишь ты „любовь“, ее самое. Ты любишь „любовь“, тебѣ необходимо любить, ты не можешь жить безъ этого развлечения, безъ этого удовлетворенія твоего „я“. Ну, хорошо, я постараюсь доставить тебѣ и то, и другое. Скажи, развѣ не лучше и не легче будетъ тебѣ проводить часы тоски и печали въ моихъ объятьяхъ? А если я еще заслуживаю хоть сколько-нибудь счастья, неужели ты захочешь, чтобы я наслалилась имъ не въ твоихъ объятьяхъ? не у тебя и не съ тобой?.. Ты ничего не стѣчаешь?

Она. Говори, говори, прошу тебя—я слушаю. Ты—сама доброта, ты...

Она. Нѣтъ, мой бѣдный другъ, но страданіе сдѣлало меня практической. Не надо хотѣть людей такими, какими они представляются въ мечтахъ, а такими, какими они есть. Хочу любить тебя такимъ, какъ ты есть, и ты люби меня такой, какая я есть. Отдадимъ оба наше меланхоліи, отдадимъ ей вмѣстѣ. Первое условіе спокойной жизни на землѣ, это—взаимное состраданіе и сочувство. Хочешь знать, что является залогомъ тихаго и продолжительного счастья для двухъ встрѣтившихся въ жизни людей?

Она. Скажи!

Она. Чтобы душа одного гармонировала съ душою другого.

М-ръ Гюгель.
Республиканскій кандидатъ въ президенты Соединенныхъ Штатовъ С. А.

свободу, это значило, что она одобряла мой образъ дѣйствій. Остальное ты знаешь сама. Ты знаешь также, съ какимъ нетерпѣніемъ ждалъ я настоящей минуты—мои сердце, полное любви, благодарности и уваженія къ тебѣ, было нетерпѣливо—ему обѣщали, все, но ничего еще не дали. Ты видѣла меня больнымъ—больнымъ отъ любви къ тебѣ... и что же?.. что теперь подумаешь ты обо мнѣ... о моихъ клятвахъ?

Ты уже не будешь вѣрить моей искренности, тебѣ будетъ казаться, что та,—„пругая“—стоитъ между нами, и увы! я не могу обѣщать тебѣ, что этого не будетъ! что она не возвратится ко мнѣ, такъ же неожиданно, какъ вотъ сейчасъ, нѣсколько минутъ тому назадъ... Не доказательство ли это того, что для меня уже не существуетъ на свѣтѣ любви. Я боленъ свою печалью, которая снова и снова возвращается ко мнѣ.

Я прошу у тебя прощенія,—уничиженіе, угнетеніе: твоя душа такъ возвышена, что ты не будешь сердиться на меня, ты простишь мнѣ, яувѣренъ въ этомъ. И если твое сердце будетъ страдать отъ этого нового удара, который я нанесъ тебѣ противъ моей воли,—твое самолюбіе на этотъ разъ не будетъ уязвлено. Проща мнѣ, ты будешь все же въ правѣ обвинять меня,—и въ то же время ты будешь благодатить меня за мое мужество и мою честность, которая заставила меня отказатьсь отъ твоей любви, какъ только я созналъ, что не сумѣю вознаградить тебѣ за твои страданія, что я недостоинъ твоей любви. Прощай... я ухожу.. Пощлуй же меня еще разъ.. крѣпче, крѣпче.. вѣдь, я ужъ больше никогда не буду благосклонно; разъ она отдала мнѣ мою

МОЛОДЫЕ УКРАИНСКИЕ ПИСАТЕЛИ

С. Черкасенко.

Вас. Степановъ.

П. Капельгородский.

Епископъ Ингрэмъ въ облачении.

СМЪСЬ.

Изъ жизни негуса Менелика.

Новые победы Абиссинии надъ Италией и отбытие оттуда чрезвычайного посольства въ Константинополь опять обратили внимание на негуса и его страну. Для Россіи эта „православная Эфиопія“, эта далекая страна родственныхъ по вѣрѣ черныхъ людей представляетъ особенный интересъ.

Корреспондентъ „Berl. Lok. Anz.“, пользуясь продолжительнымъ пребываниемъ абиссинского посольства въ Константинополѣ, собралъ рядъ фактовъ и данныхъ обѣ Абиссинии, среди которыхъ нѣкоторые, въ виду ихъ новизны, являются небезинтересными.

Въ чёмъ сила Абиссинии? Очевидно, въ ея сплоченной военной организации. Страна насчитываетъ 12 миллионовъ душъ, и вся мужская половина этого населенія представляетъ природныхъ воиновъ. Подъ ружьемъ всегда находится около 200 тысячъ человѣкъ, готовыхъ по первому слову отдать жизнь за своего верховнаго владыку — негуса. Было бы неправильно

заключить отсюда, что въ Абиссиніи все думаютъ, какъ одинъ человѣкъ. Въ этой полукультурной странѣ есть уже партии и есть недовольные, которые желали бы известныхъ измѣнений въ существующемъ порядкѣ вещей. Но ни одному изъ нихъ не придется въ голову возражать противъ власти самого негуса — такое, по крайней мѣрѣ, впечатлѣніе корреспондентъ вынесъ изъ бесѣдъ съ абиссинцами: негусъ и власть — это двѣ вещи до того неразрывно связанныя, до того установлены Богомъ, что въ нихъ, по мнѣнію абиссинца, нельзя и сомнѣваться. Конечно, очень много значитъ и присущее Менелику чувство справедливости, которое создаетъ ему популярность. Способствуетъ этому и та неподдельная любовь къ родинѣ, которая руководитъ всѣми его поступками.

Не меньшей популярностью въ странѣ, чѣмъ самъ Менеликъ, пользуется его жена. Ему 63 года, она на десять лѣтъ моложе. Но ни одного серьезнаго государственного шага негусъ не совершаетъ безъ жены, и ни одно совѣщаніе не обходится безъ нея. Вообще, она принимается въ государственныхъ дѣлахъ самое дѣятельное участіе и обладаетъ неистощимой энергией.

Ни король, ни королева не принадлежатъ къ друзьямъ спиртныхъ напитковъ. Менеликъ ничего собственно не имѣеть противъ принятия ихъ въ умѣренныхъ порціяхъ, но не дѣлаетъ этого по совету врачей и находитъ, что можно легко прожить и безъ алкоголя. Развѣ при какомънибудь очень торжественномъ случаѣ негусъ позволяетъ себѣ выпить небольшой бокалъ шампанскаго. Абиссинцы, къ сожалѣнію, не подражаютъ воздержности своего властителя, и потребленіе алкоголя принимаетъ съ каждымъ годомъ въ странѣ все большіе и больши размѣры.

Зато европейскіе обычай и приспособленія проникаютъ въ Абиссинію съ трудомъ. Негусъ и дворъ его пользуются для передвиженія преимущественно верховыми лошадьми. Въ новѣйшее время завелась и европейская коляска. Но по улицамъ и окрестностямъ Аддисъ-Абебы — столицы Абиссинии — передвиженіе европейскимъ способомъ почти что невозможно. Построекъ въ европейскомъ вкусѣ въ столицѣ также очень немного. Вообще и вѣнчаній, и внутренній видъ ея домовъ очень отдаетъ еще патріархальностью, не исключая королевскаго дворца, который отличается развѣ чрезвычайной роскошью ковровъ.

В. Ингрэмъ.

Епископъ англиканской церкви (Winton Ingram). По прѣздѣ въ Петербургъ епископъ Ингрэмъ представился Государю Императору и присутствовалъ 2 февраля въ Исаакіевскомъ соборѣ на торжественномъ богослуженіи. Затѣмъ онъ выѣхалъ въ Москву и посетилъ Троице-Сергиевскую лавру.

Негусъ и жена его носятъ исключительно национальные костюмы, въ которыхъ оба они представляютъ очень красивыя фигуры. Говорятъ при дворѣ, кроме абиссинскаго, еще по-арабски. Европейскіе языки не получили ходу. Менеликъ говоритъ, что ничего противъ нихъ на имѣть, но слишкомъ старъ, чтобы учиться имъ.

Абиссинцы очень любознательны. Они не прочь бы позаимствовать многое у Европы, но за послѣднее десятилѣтіе они стали очень подозрительно относиться къ европейцамъ. Естественно, что больше всего они не любятъ итальянцевъ. Свою подозрительность по отношенію къ европейцамъ абиссинцы переносятъ и на ихъ культуру.

Въ Константинополь чрезвычайное посольство негуса прибыло, чтобы хлопотать о возвращеніи захваченного контами мѣста въ храмѣ гроба Господня.